

Демонстрация 5 декабря 1976. Фото из архива Международного общества «Мемориал»

05.12.2015, 14:46

ДОКУМЕНТЫ

«Если эти митинги войдут в традицию... число арестов уменьшится»

К 50-летию первого правозащитного митинга в СССР — «митинга гласности» — ОВД-Инфо впервые публикует статью Александра Есенина-Вольпина, посвященную проблеме свободы собраний в СССР. Текст написан в конце октября — начале ноября 1965 года и позже был сокращен до одной страницы, которая и распространялась перед 5 декабря 1965 года, когда на Пушкинской площади состоялся митинг, посвященный делу Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Текст хранится в фонде Есенина-Вольпина в архиве Международного Мемориала.

Гражданское обращение

В сентябре органами КГБ были произведены аресты в Москве и в Киеве. Среди арестованных — московский писатель А. Д. Синявский[1], киевский критик Светличный[2] и др. Арестованным угрожает обвинительный приговор, вынесенный в закрытом судебном заседании. В лучшем случае он будет провозглашен, как того требует закон, публично — но так как опубликован он не будет, а публика не будет присутствовать на заседаниях, граждане будут лишены возможности судить о его законности. Нет оснований считать, что у кого-либо из обвиняемых дело связано с государственной тайной — в чем могло бы состоять юридическое обоснование проведения заседаний при закрытых дверях. Поэтому есть основания опасаться нарушения законности, тем более, что в прошлом такие случаи были нередкими.

Нет надобности сейчас подробно останавливаться на хорошо известной трагедии прошлого, состоявшей в массовых беззакониях. Отмечаем другое: эти беззакония в значительных масштабах можно производить «с удобством» только при закрытых дверях, ибо только путем гласности могут быть выявлены случаи превратного толкования закона или сомнительности принятых судом доказательств.

Гласность разбирательства является важнейшей гарантией законности. Тем не менее, она не относится законом к числу прав самого обвиняемого. Это значит, что все граждане имеют на нее такое же право, как на соблюдение советской Конституции.

У граждан есть законное средство добиваться гласности, которое, к сожалению, не было еще до сих пор использовано. Это средство состоит в организации митингов по каждому случаю состоявшегося или угрожающего нарушения гласности судебного

разбирательства. Это средство следует применять неуклонно, и особенно настойчиво в тех случаях, когда кому-либо угрожает репрессия за участие в таком митинге или его подготовке. Если бы это средство широко применялось гражданами во времена миновавших репрессий — массовые репрессии, по всей вероятности, удалось бы предотвратить.

Собирающиеся на митинг, организованный в защиту гласности, должны, в целях его эффективности и во избежание провокаций, строго ограничивать свои требования требованием гласности. «Тре-бу-ем глас-ности су-да» (с возможным добавлением фамилий обвиняемых) — это единственный лозунг, который они должны скандировать или изображать на плакатах. (В случае, если митинг организован по случаю уже состоявшегося нарушения гласности, слово «Требуем» следует, конечно, заменить на «Протестуем против нарушения».) Даже молчаливо собравшаяся толпа, производящая впечатление солидарной публики, достигнет много, если нарушители законности будут знать причину собрания. Молчать ли собравшимся, или обсуждать между собой проблемы гласности и законности вообще — это вопрос формы митинга, решение которого следует в каждом случае предоставить его организаторам. Но во всяком случае следует строго избегать шаловливых или чересчур эмоциональных выкриков, могущих исказить цель митинга и превратить его в беспорядочное собрание. Всякие антисоветские речи, как и речи, направленные против отдельных правящих лиц, могут лишь помешать цели митинга, даже если не повлекут за собой репрессий против ораторов. Такие речи помешали бы проведению следующего такого митинга (а их следует организовывать, как уже сказано, в каждом случае угрожающего или совершенного нарушения гласности) и людей, склонных к подобным речам, следует тщательно избегать при организации митинга, так как они могут испортить все

дело. Если же такие речи или выкрики все же произойдут, их надо дружно пресекать, обращаясь с совершившими их как с провокаторами и удаляя их с места собрания — по возможности избегая грубого насилия, так как оно может послужить предлогом для вмешательства милиции. Следует строго соблюдать порядок и в остальных отношениях — не занимать без разрешения никакого помещения, или проезжей части улицы или площади, собираясь на бульварах — оставлять узкий проход для посторонних, и не становиться на газоны и т. п. На требования надлежащих властей разойтись реагировать спокойно: попросить лишь, чтобы цель митинга была зафиксирована и разойтись, считая цель этого митинга уже достигнутой тем фактом, что власти обратили на него внимание.

Оценивать результаты митинга нельзя по таким явным признакам, как удовлетворение требования гласности и т. п. Скорее всего, что в деле гласности нарушителей законности одними митингами не проймешь, и это средство следует сочетать с другими легальными средствами — посредством многочисленных статей, массовых петиций и т. п. Обсуждать эти средства можно и на митинге (если не объявлено, что он будет строго молчаливым), или сразу после него — и в этих обсуждениях, в самой активизации и расширении той части населения, которая способна ратовать за гласность, состоит одна из важнейших задач каждого митинга. Если эти митинги войдут в традицию, то, хотя бы не удалось таким путем сразу достичь соблюдения гласности в строгом соответствии с законом, число арестов уменьшится — и в этом будет основная положительная роль таких митингов. Правда нарушители законности могут обрушить свои репрессии как раз против устроителей и участников этих митингов — и если публика даст себя таким образом запугать, то ей лучше не собираться (тем более, что любая неудача одного-

единственного митинга может ухудшить судьбу того обвиняемого, делом которого был вызван этот митинг). Но если в ответ на репрессии против участников или организаторов этих «митингов гласности» (так я предлагаю их называть — хотя некоторые из них могут быть молчаливыми) последуют новые такие же митинги, да еще развернутые с большей силой — тогда успех обеспечен.

Лучше потерять несколько дней покоя, чем годами терпеть последствия вовремя не остановленного произвола. Лучше пойти на некоторый риск при первых признаках угрожающих репрессий, или даже намеках на такие признаки, чем допустить впоследствии гибель многих людей. Тем более, что обычно для участников митинга речь идет лишь о небольшом риске — ведь цели митинга совершенно законны, а право на митинги предусмотрено 125-ой статьей Конституции СССР[3]. Именно поэтому и важно, чтобы во время митингов и подготовки к ним публика вела себя строго дисциплинированно, не давая поводов для ареста или других видов репрессий. Нарушающий это правило, хотя бы без злого умысла, создает ненужные трудности остальным и подрывает саму идею митинга. Кроме того, лица, которым по другим причинам угрожает арест, должны воздерживаться от участия в митингах гласности, так как своим участием они, в случае ареста по другой причине, вызвали бы необоснованную организацию расширенного митинга гласности.

В митингах гласности должны участвовать только серьезные люди, умеющие вести себя спокойно. Митинг может продолжаться недолго — минут 15–30, но все же достаточно долго для того, чтобы его успели заметить. Он может принять и форму шествия по улицам — но наиболее спокойной формой, является, по-видимому,

форма собрания на центральных площадях или бульварах и т. п., с соблюдением всех вышеуказанных правил. Естественно выбрать такую площадь, или бульвар, вблизи которых расположено здание того учреждения, от которого зависит разрешение гласности — например, площадь Ногина или прилегающий к ней бульвар в Москве, и т. п. [4] Естественно собираться и в здании суда, или возле него, скажем — во дворе. На площадях лучше собираться возле памятников или стоянки такси, или под часами или у хорошо известного киоска и т. п. Хорошо, если по одному делу несколько городов составят одно целое (т. е. митинги гласности будут организованы в каждом из них).

Большая численность собрания имеет гораздо меньше значения, чем очевидность того факта, что в случае надобности митинги гласности будут собираться вновь и вновь. При явке на митинги явно недостаточного числа лиц митинг следует отложить на одну-две недели, предложить каждому пришедшему позвать несколько человек тем же способом, каким он сам был позван. Признаком достаточности числа публики в большом городе может служить то, что почти каждый увидит много незнакомых ему лиц.

Созывать митинг следует путем распространения листков, которые лучше всего называть «гражданскими обращениями» (отсеивая этим тех лиц, которые не способны отнестись серьезно к идее митинга), но ни в коем случае не «листовками» и т. п. Каждый такой листок должен быть кратким — по возможности, не более 1-ой страницы машинописи и содержать в себе краткое указание причины собрания и формы митинга, его дату и место и предложение размножить это обращение не менее, чем в 3-х экземплярах, уничтожив полученный экземпляр; размноженные (от руки или на машинке) экземпляры надлежит вручить наедине достаточно хорошо знакомым серьезным людям, способным явиться

на митинг, разделяя его цель. В гражданском обращении, кроме того должно быть указано, что каждый, получивший его, должен хранить в тайне имя вручившего и имена тех, кому он его вручит или попытается вручить (кроме случаев, когда противное потребуется для выявления предателя [5]), а также каждый известный ему случай распространения или составления такого обращения. Получающий обращение от незнакомого, или малознакомого лица может отказаться взять его, не навлекая этим на себя подозрений в равнодушии к идее митинга. Лицо, уже получившее такое обращение и распространившее его, должно отказаться от принятия нового приглашения на митинг от заслуживающего доверия лица — с тем, чтобы приглашения распространилось на новых лиц. Не следует делать общие выводы о причинах отказа того или иного лица принять приглашение. Не имеющему двух хорошо знакомых лиц, пригодных для дальнейшей передачи обращения, следует рекомендовать заявить об этом тому, от кого он это приглашение получил, и явиться на митинг. Если кто-либо затрудняется распространить приглашение ввиду того, что его знакомые уже приглашены — не следует пытаться предпринимать рискованные попытки вовлечь в дело малоизвестных лиц, так как в его кругу цель приглашения уже достигнута. Каждый приглашенный может позвать с собой своих близких, не считая тех, кому он передал приглашение путем распространения листка. Он вправе поручить это распространение кому-либо из своих ближайших родных или неразлучных друзей. Приглашенным считается тот, кто обещал прийти на митинг сам и пригласить не менее двух других, если будет возможность.

Одна из серьезных трудностей состоит в том, что распространяемые гражданские обращения должны быть краткими (чтобы их легко было переписывать) и в то же время содержательными, убеждающими людей явиться.

При этом следует иметь в виду, что стиль текста может выдать автора и при отсутствии других улик. Каждый организатор должен выбрать какой-нибудь один текст, предлагая его дальнейшее распространение будущим участникам митинга. Его собственное появление, конечно, весьма желательно — но могут встретиться причины, по которым следует от него воздержаться. Самые важные — это чтобы в случае массового незаконного нажима на участников митинга со стороны властей хотя бы часть активных организаторов остались на свободе и продолжили начатое дело.

Поэтому, следует стремиться, чтобы большинство участников митинга не знало ни имен организаторов, ни их числа. Организаторы тоже должны возникать в порядке агитации, причем каждый должен привлечь несколько новых — не менее трех-четырех, и это — раза два, чтобы общее число организаторов достигло 15–20. Все они получают организующую идею — с указанием даты, места и формы митинга — от 1-3-х первых организаторов; имена последних сообщаются им лишь по мере необходимости. Каждый из организаторов составляет затем самостоятельно текст гражданского обращения (если только предварительно не будет решено распространять один и тот же очень короткий текст). Этот текст должен быть очень лояльным, не задевая чувств ни коммунистов, ни беспартийных. В случае, если митинг организуется в связи с арестом хотя бы одного участника предыдущего митинга, гражданские обращения распространяются каждым не менее чем в трех, а при повторениях по той же причине — не менее чем в четырех и т. д. экземплярах, благодаря чему возрастает и сила собравшихся [6]. Об этом следует с самого начала указывать в текстах гражданского обращения. Кроме того, в них следует указывать, что новые митинги будут организованы и в случае внесудебных репрессий над одним из участников митинга гласности — именно,

в случае его административной высылки (лишения прописки) или худшей меры [7]. (Конечно, лозунги должны носить в этом случае характер протеста против происшедшего.) На более мягкие меры взысканий (типа увольнения с работы или кратковременного ареста или помещения в психиатрическую больницу) организаторы и участники митинга могут ответить в начале не новым митингом, а более мелкой формой — распространением писем и петиций в надлежащие адреса [8].

Во всех случаях сила митингов и петиций должна обеспечиваться широким распространением сведений о происходящем, включая тексты гражданских обращений, по окончании митинга. Желательно приглашение на каждый митинг хотя бы одного корреспондента западных газет.

Каждому рекомендуется, идя на митинг, продумать свое поведение на случай последующих допросов. Надо требовать, чтобы ответы сводились к минимуму — ссылке на законность самого митинга или его целей, на то, что недопустимые высказывания (если таковых не удалось предотвратить) пресекались самими участниками митинга и на то, что по самой природе организации митинга никто не может знать его организаторов и того, кем было приглашено пригласившее его лицо — сам же он связан словом скрывать имена тех, кто позвал его и кого звал он сам.

Александр Есенин-Вольпин. Фото из архива Международного общества «Мемориал»

Никоим образом не следует приглашать на митинги малоизвестных лиц или лиц несклонных соблюдать указанные правила. Но, несмотря на все меры предосторожности, не следует обольщаться надеждой на то, что инструкции будут во всех случаях тщательно соблюдаться! Каждый организатор должен помнить, что

из нескольких десятков приглашенных им, прямо или косвенно, лиц, почти наверняка встретятся такие люди, которые из мелкого тщеславия или трусости проболтаются о том, что им известно, а другие просто поленятся сдержать свое обещание — приглашать следующих или придти самому на митинг. Именно по этой причине число собравшихся будет, вероятно, значительно меньше, чем можно ожидать по законам геометрической прогрессии. Именно поэтому (не говоря о других уже упомянутых причинах) организаторов должно быть много, и не следует слишком огорчаться, если первый опыт окажется неудачным. В этом случае, невзирая ни на чьи насмешки, следует попытаться его повторить — и это будет тем легче, что по первой неудачной попытке не приходится опасаться значительных репрессий.

Репрессии против участников митинга следует рассматривать, прежде всего, как знак того, что митинг оказался ударом не в бровь, а в глаз нарушителям законности. Это — знак того, что надо продолжить начатое дело, и что после нескольких удачных крупных митингов гласности противники вынуждены будут переменить тактику.

К сожалению, всего этого не удастся выразить в гражданских обращениях организаторов митинга по причине вынужденной краткости этих обращений. Но после нескольких таких митингов уже и краткие обращения будут достигать цели, а со временем наступит момент, когда по устному предложению одного человека будут собираться сотни людей.

Краткость обращений может на первых порах оказаться очень серьезным препятствием. На простой призыв «приходите 31-ого октября с.г. в 6 ч. веч. на пл. Ногина для участия в митинге гласности»^[9] (с коротким разъяснением этого термина) сейчас, возможно, почти никто не откликнется. В этом случае следует попытаться

отказаться от краткости и признать, что только лица, способные потратить 2–3 часа на переписывание текста, заслуживают приглашения. Если же таких лиц окажется слишком мало — значит, надо некоторое время заниматься пропагандой гласности в различных формах. Но важнейшим аргументом этой пропаганды должна служить опасность широкой волны репрессий — вместе с указанием на имеющиеся, пока немногочисленные случаи. Терять время — и неразумно, и опасно.

Митинги гласности — только одна из форм борьбы за гласность судопроизводства. Они должны дополняться борьбой за улучшение действующего законодательства. В Конституцию следует внести статью о праве каждого гражданина на соблюдение норм Конституции. Это позволило бы каждому добиваться судебным путем восстановления гласности, как и других конституционных норм, в каждом случае их нарушения против кого бы то ни было. Такие процессы по закону могли бы происходить только открыто.

В некоторых случаях — по действующему УПК только в связи с охраной государственной тайны и по делам о половых преступлениях — действующий закон допускает нарушение гласности, и с этим надо считаться. Это значит, что если нарушение гласности состоялось, митинги протеста можно организовывать только в том случае, если у публики есть основания считать, что не было законных оснований для слушания дела при закрытых дверях. Об этом можно судить по содержанию приговора, который по [3]10-й ст. УПК РСФСР должен быть провозглашен публично во всяком случае. Организаторы должны быть среди присутствующих при оглашении приговора, чтобы судить о возможности митинга протеста; при этом следует проявлять крайнюю осмотрительность, чтобы не организовать митинга зря, по незаконному поводу. Каждый такой случай явился бы причиной тяжелейшей неудачи. Но если кто-либо не будет допущен

присутствовать при оглашении приговора (не считая лиц, моложе 16 лет), или не будет возможности узнать, когда состоится эта процедура — всякий имеет законное право и разумное основание организовать митинг протеста против нарушения гласности.

Правда, по действующему законодательству в случае направления арестованного на принудительное лечение его судьба решается не приговором, а определением, и в этих случаях закон не предусматривает никакой гласности. С этим также следует бороться, особенно имея в виду широкий размах, который получила эта мера за последние годы [10]. Митинги гласности и в этом случае могут быть разумной формой борьбы — но они должны носить характер требований изменения закона, а не протеста против беззакония, поскольку уличить кого-либо в беззаконии в таких случаях бывает почти невозможно. (Иногда возможно и это — путем сопоставления изъятых при обыске вещей с требованиями закона, или опираясь на признания свидетелей.)

Изменения закона, которых следует добиваться, должны состоять в следующем:

В тех случаях, когда дело слушается при закрытых дверях, хотя бы одно заседание судебного следствия (или судоговорения по гражданскому делу) должно производиться публично. Это должно быть заключительное заседание судебного следствия (судоговорение по гражданскому делу), и на нем должны быть оглашены протоколы предыдущих заседаний, отредактированные применительно к этой цели. Стороны должны при этом опрашиваться о своем согласии с этими протоколами — а в случае несогласия обвиняемого и невозможности решить этот вопрос при открытых дверях, хотя бы один раз должно быть возобновлено предыдущее разбирательство с последующим публичным заключительным заседанием.

Гласность должна включать в себя право обвиняемого на опубликование приговора и, в случае его несогласия с обвинением — его возражений по существу. Публикация неосновательных возражений может повлечь возмещение обвиняемым связанных с ним издержек.

Требования гласности оглашения должно распространяться и на определения о направлении на принудительное лечение. Недопущение обвиняемого к участию в таких делах должно допускаться только в исключительных случаях буйного помешательства и публике должна быть представлена возможность видеть этого обвиняемого.

Приговор или решение суда, а также только что упомянутое определение, не может вступить в законную силу, если не были соблюдены требования гласности. В этом случае приговор, решение или определение подлежит обязательной отмене кассационной инстанцией.

Эти или аналогичные предложения по усовершенствованию института гласности должны стать темой мирного обсуждения. Следует, чтобы каждый, имеющий склонность обдумывать подобные предложения, направил свой вариант таких предложений в Комиссию законодательных предположений Верховного Совета РСФСР или Конституционную комиссию [11]. Такие предложения следует направлять и в газету «Известия» и широко обсуждать ее ответы — или факты неполучения ответа. Чем больше таких предложений — хотя бы и совершенно одинаковых — будет поступать в компетентные государственные органы, тем больше шансов на то, что они когда-нибудь будут обсуждены и приняты. Этой теме также следует посвящать некоторые митинги гласности — с тем, чтобы о предложениях этого рода и о фактах их направления в соответствующие органы знало как можно больше людей.

Митинги гласности и только что упомянутая юридическая инициатива многих граждан — это основные формы борьбы за гласность. Этой теме следует также посвящать много статей и бесед.

О состоявшихся митингах гласности следует сообщать в газеты и журналы, выдерживая эти статьи в строгом духе лояльности. В случае их непомещения в печати разумно добиваться их опубликования путем организации митингов, которые тоже следует считать митингами гласности.

На все упреки типа «много митингуете» следует отвечать, что они направлены не по адресу: не было бы и митингов, если бы государственные учреждения всегда соблюдали законы о гласности, а газеты своевременно печатали материал на эту тему.

В настоящее время закон об авторском праве, содержащийся в гражданском кодексе [12], дает право каждому добиваться — в случае надобности, через суд — заключения с соответствующей организацией авторского договора об опубликовании любого своего произведения; произведение может быть одобрено, либо отклонено или возвращено для переработки — но только по основаниям, указанным в договоре (подразумевай: или в законе). Автор имеет право на неприкосновенность текста (включая его заглавие), на выбор подписи (или отсутствия таковой) и на опубликование одобренного произведения в срок не свыше 2-ух лет по одобрению. Ясно, однако, что для газетных сообщений двухлетний срок практически бесполезен — и тут нужна особая процедура, гарантирующая быстрое появление в печати каждого сообщения о нарушении законности. Следует добиваться улучшения действующего законодательства и в этом направлении путем обращений в соответствующие организации.

Так как именно гласность является гарантией законности, надо добиваться того, чтобы все сообщения о нарушениях гласности и связанных с этим митингах и других публичных выступлениях появлялись в печати в максимально короткие сроки. Средством борьбы и в этом случае могут служить митинги, и при частых повторениях митингов гласности (кроме молчаливых) на них следует говорить во всеуслышание о произведенных попытках публикации материалов о предыдущих митингах.

Нет сомнения в том, что иностранные корреспонденты обратят внимание на эти митинги. Вопрос о целесообразности их приглашения с самого начала следует обсуждать и решать конкретно, в зависимости от обстановки и возможного влияния на судьбу уже арестованных; следует учитывать и характер представляемых ими газет и т. п. Но так как сообщения неизбежно будут появляться, следует позаботиться о том, чтобы во всем мире создавалось правильное представление о происходящих событиях и чтобы выступающим не приписывались вымышленные цели. Этим доводом можно с самого начала оправдать в глазах сомневающихся присутствие корреспондентов на самых первых митингах гласности. Приглашать корреспондентов следует на общих основаниях, не распространяя, однако, на них просьбы об уничтожении экземпляра полученного ими приглашения, но требуя, чтобы оно, в случае публикации, было помещено дословно.

—

Примерный кратчайший текст гражданского обращения:

31-го октября с.г. в 6 час. веч. на площади Ногина состоится молчаливый митинг, посвященный требованию гласности судебного разбирательства по делу арестованного А. Д. Синявского. Вы приглашаетесь прийти на митинг, передав это приглашение не менее, чем

двоим лицам, не считая членов Вашей семьи. Для передачи этого приглашения, перепишите этот текст в нужном числе экземпляров, а полученный Вами экземпляр приглашения уничтожьте. Во время митинга надлежит стоять молча, или скандировать лозунг «Тре-бу-ем глас-нос-ти су-да над Си-нявс-ким», или показывать соответствующий плакат. Собираться — возле стоянки такси, продвигаясь, по мере накопления народу, в сторону бульвара, к тому месту, которое расположено напротив здания ЦК. Требуется строго соблюдать порядок, не становиться на газоны и проезжую часть площади, оставлять место для прохода идущих мимо и избегать излишнего нарушения тишины, т. к. всякие нарушения порядка, и особенно озорные или антисоветские выкрики, должны пресекаться участниками митинга путем спокойного удаления нарушителей. На требование властей разойтись отвечать требованием фиксации происходящего и цели митинга и, по удовлетворении этого требования, расходиться, так как цель достигнута. Приглашать можно только тех, кто способен соблюдать эти требования, и если Вы не знаете таких людей из числа неприглашенных, воздержитесь от приглашения, но приходите сами. Никому не сообщайте имен тех, кто пригласил Вас и кого захотите пригласить Вы. Никому не называйте также известных Вам имен распространителей гражданских обращений, аналогичных настоящему, кроме случаев, когда это требуется для выявления осведомителей.

Если Вы однажды уже получили приглашение на этот митинг, сообщите об этом лицу, приглашающему Вас вновь (соблюдая только что указанное правило!) с тем, чтобы он постарался пригласить другого; но если это лицо не заслуживает вашего доверия, поступайте по своему усмотрению.

В случае, если на митинг явиться слишком мало народа, он будет перенесен на другой день и Вы подумайте, кого

сможете пригласить. Заранее обдумывайте свои ответы на вопросы, связанные с митингом.

Если Вам угрожает арест — воздержитесь от участия в митинге. Если кто-либо из участников митинга будет серьезно репрессирован, будет организован новый, более широкий митинг в защиту его прав, а в случае его ареста — в защиту гласности суда по его делу.

[1] Синявский Андрей Донатович (1925–1997), писатель (Москва); с 1956 публиковал под псевдонимом произведения за рубежом; политзаключенный (1965–1971, Дубравлаг). Эмигрировал во Францию (1973).

[2] Светличный Иван Алексеевич (1929–1992), литературовед (Киев); политзаключенный (1965–1966, 1972–1978, пермские политические лагеря, в ссылке — 1978–1983, Горно-Алтайская автономная область).

[3] В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

а) свобода слова, б) свобода печати, в) свобода собраний и митингов, г) свобода уличных шествий и демонстраций. Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

[4] Подобные митинги проводили отказники — у здания МИДа, напротив приемной Президиума Верховного Совета РСФСР. Диссиденты проводили митинги в символических местах — Пушкинская площадь, площадь Маяковского, Красная площадь.

[5] Интересна игра в конспирацию.

- [6] Александр Есенин-Вольпин использует в общественных целях математическую прогрессию.
- [7] Вероятно, имеется в виду заключение в психиатрической больнице.
- [8] После помещения Есенина-Вольпина в психбольницу ответом гражданского общества была именно петиция. И одна из самых массовых и солидных — письмо 95 (99) математиков, которую подписали многие член-корреспонденты Академии наук.
- [9] У здания ЦК КПСС.
- [10] Есенин-Вольпин был знаком с Владимиром Буковским, который был признан невменяемым и направлен на принудительное лечение.
- [11] На протяжении всех 1960-х годов работала Комиссия по выработке новой Конституции. Существовали альтернативные, диссидентские, проекты Конституции.
- [12] 4-я глава Гражданского кодекса РСФСР 1964 года.